

Соль для ран, чтобы навзрыд

Ирина Рейн

С занятия Ирина помчалась гигантскими шагами, только что не распадаясь на бегу на тысячу яростно орущих хомяков. Далеко не в последнюю очередь рыжую взбесил тот факт, что она ухитрилась схлопотать внеплановое дежурство, на самых последних секундах занятия, да ещё, почитай, на ровном месте. Свой язык и всё то, что с него рвётся, Ирина никогда толком воспринимала как что-то, нарушающее правила жизни в монастыре. Вон, Дамьян полтора замечания сделал да на том и махнул рукой. А у Мадженты, оказывается, было иное мнение. Что за нецензурную брань нужно ссылать на галеры и там гноить, пока вся грязь с языка не слезет, вместе со шкурой и с собственно языком.

И что самое обидное - вырази Ирина юноше своё отношение на минуту позже, чтобы это попало за пределы занятия, и никакого наказательного дежурства бы не случилось. Вот это же надо было так попасть.

Очень быстро в голове у Ирины выстроилась нехитрая логика, ведущая к тому, что во всех бедах рыжей виноват Стефано. И что надо было сразу его гнать коленом с занятия, как только увидела эту морду хитрую. Тогда, может, ничего этого бы и не было. Ни унижения, ни последующего дежурства. И обошлось бы всё, может.

Накрутила саму себя до слабо вменяемого состояния Ирина за считанные минуты. И не могла поручиться, что не попыталась бы что-нибудь юноше сломать, оказался он вдруг в эти минуты под рукой - да что уж там, рыжая была на грани того, чтобы бежать, искать парня и начинать выяснять с ним отношения, громко, со скандалом и побоищем. По-любому, всё из-за него. Убить бы паразита.

Стефано Грассини

Стефано умудрился распределить себя в пространстве и времени так, что немедленно после занятия успел помелькать возле всех новых знакомых, возле каждой по очереди. Сперва юноша подошел к мастеру Алексиу, и поблагодарить за занятие, и осторожно прощупать почву на будущее. Вопреки обещаниям Дина, сифу Конг пока так и не успела совершить знакомство с новым учеником, и Стефано начинал слегка подозревать, что ему, возможно, вообще придется подыскать другого учителя, который рулил бы им неофициально. Так что если уж судьба вот так взяла и подарила встречу с двумя мастерами разом, да еще и прошедшую достаточно гладко, то нельзя было просто ею разбрасываться.

Едва оторвавшись от мастера Алексиу, Стефано тут же переключился на Ярину и сделал пару кругов вокруг нее - как понял юноша из мимолетного диалога во время занятия, Ярина тоже была мастером, хоть и выглядела как-то мягче, не так сурово и не так зубасто. Успев у обеих мастериц кое-что выяснить на будущее и даже кое о чем почти договориться, Стефано помчался догонять рыжую Ирину, с которой предвиделись главные проблемы. По очень сложному лицу ученицы Стефано понимал, что уже успел смертельно ее обидеть - и надо было если не наладить отношения, то хотя бы разобраться, в чем именно эта смертельная обида заключается и из-за чего есть риск в будущем надолго застрять на тропе войны.

Ирина неслась по парку быстро, не разбирая дороги - сразу видно, человек давно здесь живет, человеку кроме памяти никакие ориентиры не нужны, - но все же не настолько быстро, чтобы за ней нельзя было успеть. Стефано догнал девушку, даже

не успев особенно запыхаться. Положил ладонь Ирине на плечо, пытаясь чуть погасить скорость ее стремительных шагов, и попросил: - Подожди. Притормози. Ну давай поговорим?

О том, каким выражением Ирина охарактеризовала его на занятии, Стефано уже успел вполне искренне забыть - юноша изначально воспринял его как-то не так, не вполне грубо, не вполне обидно и даже как-то не очень в свою сторону. Поэтому со своей стороны Стефано начинал разговор абсолютно без обидных воспоминаний - в отличие от Ирины, которая там явно уже что-то накопила.

Ирина Рейн

Парень выбрал исключительно удачный момент, чтобы возникнуть рядом с рыжей: как раз когда Ирина не без труда вспомнила, что мастер Алексиу вообще-то до сих пор ходит где-то рядом. И вполне может при начавшемся побоище неспешно вышагнуть из-за ближайшего куста и продолжить щедро раздавать дежурства горстями. Направо и налево. Ей-то что, это не ей же потом повсюду переться и все это делать. Короче, кое-как Ирина настроила себя на то, что если ломать руки-ноги и головы и надо, то явно как-то не сейчас. Ну хотя бы минут пятнадцать выждать, пока все гарантированно разойдутся. И вот примерно где-то в этот момент за спиной у Ирины возник Стефано. Догнал и принялся хватать.

Ирина нехотя замедлила шаг, потом и вовсе остановилась. Недовольно дернула плечом и, глядя на зачем-то зазимовавшую там ладонь Стефано, выразительно сказала: - Тут пальцы чьи-то прилипли! Я вот думаю: мне сразу начинать их отрывать или они сами сообразят и отцепятся?

На слове "отрывать" Ирина с намеком приподняла локоть, без слов доходчиво поясняя, как она планирует от чужих пальцев в случае чего избавляться. Это, может, всякие там сиропные неженки будут по одному пальчику отцеплять - а там, пока один разогнешь, уже крепче вцепятся остальные четыре, и вот разбирайся ты с ними там как хочешь. Рыжая же планировала магически воздействовать локтем на особую точку, заставляющую разжаться все пять пальцев сразу, причем эта особая точка могла быть практически где угодно. Хоть на челюсти, хоть под ребром, хоть где еще. Куда локоть сумеет смачно воткнуться, там и праздник.

Разговаривать с парнем Ирина сейчас не планировала. Понятия не имела, что он там может попытаться ей сказать, да и, откровенно говоря, не желала знать, что он там такого важного принес ей за щеками. Наверняка какое-нибудь банальное "мир-дружба-жвачка", просто чтоб было, чо там слушать-то.

Стефано Грассини

Первые несколько шагов Ирина неслась так, словно намеревалась ни за что не останавливаться, а в случае чего и вцепившегося в нее Стефано запросто утащить на себе. И только потом начала замедлять шаг и останавливаться - примерно как раз когда юноша успел решить, что она вот сейчас вырвется и снова умчится вперед, и придется по новой ее догонять.

Как очень быстро выяснилось - лучше бы она действительно вырвалась, и убежала, и надо было бы снова ее ловить, и тогда, может, ее настрой немедленно засучивать рукава и идти в драку чуть подвыветрился бы.

- Спокойнее надо быть! Добрее к людям быть надо! - сказал Стефано, чуть отодвигаясь от нацеленного ему в грудь острого локтя, но так и продолжая держать ладонь на плече Ирины. - Что ты сразу так заводишься? Мы с тобой взрослые, умные дети! Мы должны быть в состоянии решить наши конфликты словами.

Стефано пребывал в полной уверенности, что с последними тезисами Ирина не согласится категорически. И было любопытно, какое именно слово она начнет оспаривать в первую очередь. Что она взрослая? Умная? Ребенок? В состоянии решать споры словами? Или найдет еще что-то, во что можно вцепиться и начать самозабвенно разносить в щепки? Стефано с искренним любопытством смотрел на Ирину, ожидая, каким будет ее первое слово. И даже как-то непозволительно отвлекся от того, что вообще-то рыжая девушка весьма недвусмысленно словами и жестами обещала разнести в щепки самого юношу. А только там уже, если настроение останется, и за слова приниматься. Причем настроения, скорее всего, не останется - какой смысл вести полемику дальше, если оппонент уже, словно деревянный Пиноккио, разобран на отдельные составные, неспособные дальше участвовать в споре части? Вот то-то и оно, что ровным счетом никакого смысла. Ну разве что для очистки совести, да и то - сомнительная затея.

Ирина Рейн

Когда Стефано уперся и не пожелал, несмотря на вполне очевидные намеки, отцепиться от плеча Ирины, рыжая удивленно вскинула брови. И даже пытливо заглянула парню в лицо, проверяя: точно ли это тот славный юноша, который на занятии говорил мягко, улыбался ласково и всячески демонстрировал, что он весь покрыт пушистой мягкой шерстью? Не подменили его за кустами где-нибудь на безжалостного робота-двойника? Трогательный взгляд, как у доверчивого щенка-идиота, вроде как говорил о том, что нет, не подменили, парень все тот же.

Значит, намеки туго понимает.

- Заводиться - это к машинам! А я впадаю в ярость и негодую! - оспорила Ирина. И, тут же наглядно показывая, как именно она впадает в ярость и негодует, засветила "взрослому, умному ребенку" локтем в грудь. Локоть уже, в общем-то, был давно и показательно занесен в замахе, оставалось им только как следует ткнуть. Рыжая вложилась в этот тычок с тем удовольствием, в котором всегда вкладывалась в занятия, которые у нее получались лучше прочих. Драться, по собственным щедрым прикидкам, получалось уж явно лучше, чем следопытить и колдовать - так надо было это мальчику показать. А то он на одном навыке ее обскакал и, кажется, уже ощущает себя по жизни победителем.

Отмахнувшись от Стефано, Ирина вырвалась и снова зашагала в сторону выхода из парка, однако уже без прежнего рвения, кое-где даже заставляя себя замедлять шаг и - это главное! - ни в коем случае не оглядываться через плечо. Теперь уже рыжей было страшно интересно: ну, и что теперь? Будет догонять еще раз? Или спугнула? Ирина пока смутно представляла себе, какое клеймо она прилепит к Стефано в каком случае, ей важно было, чтобы сперва состоялся поступок. А там уже по поступку можно будет судить. И с наслаждением припечатывать приговором. Судить же заранее, без поступка, Ирине было значительно труднее, поэтому требовалось поступка сперва подождать. Тем более, чего тут ждать-то, какие-то полторы минуты, чтобы понять, чем сейчас дело кончится.

Стефано Грассини

О том, что за нацеленным в него локтем рыжей девушки Стефано практически не следил, пожалуй, пришлось очень быстро. Потому что Ирина, видимо, считала: раз удар уже подготовлен, так надо ударить, не пропадать же усилиям впустую. И сработала локтем девушка умело и быстро, лишая Стефано возможности увернуться. Грудную клетку сотряс удар, от которого на миг перехватило дыхание.

Юноша охнул и разжал пальцы - а немедленно удравшей Ирине, похоже, только того и надо было.

- Иногда мне кажется, что решать конфликты было бы гораздо проще, если бы мы, взрослые, умные дети, просто подрались, - со вздохом пробормотал Стефано и потер немедленно занывшие ребра. Била Ирина хорошо, качественно, чувствовалось, что она знает в этом толк, - а еще чувствовалось, что к завтрашнему дню на месте удара наверняка пышным цветом расцветет синяк.

И да - из всех доступных слов рыжая девушка оспорила слово "заводиться", все-таки похерив все наскоро придуманные варианты развития событий.

- Хорошо, пусть негодуешь, - согласился Стефано, не видевший причин еще и из-за этого раздувать споры. И снова упрямо зашагал за Ириной, не намереваясь отставать из-за того только, что один раз получил пинка. Тем более что в этот раз рыжая улепетывала уже не на такой запредельной скорости, и это позволяло предположить, что с ней все-таки можно попытаться поговорить. - Но можешь хотя бы рассказать, что именно вызывает у тебя это негодование и ярость. В глобальном смысле, конечно, я догадываюсь, что это, видимо, я. Но ведь не просто одним же фактом своего существования? Я ведь в чем-то конкретном перед тобой провинился?

Был еще хороший вопрос "когда успел", но его Стефано отложил на потом. На то светлое время, когда ситуация чуть прояснится. Сейчас же надо было для начала разобраться хотя бы с вопросом "что" - вдруг он тоже окажется не таким простым, как издавна виделось.

Ирина Рейн

Краем уха Ирина смогла услышать, как Стефано что-то там бормочет у неё за спиной, но так и не разобрала, это помогающая крепиться мантра или же посыл на три-четыре весёлые буквы. Видимо, всё же была мантра, потому что через несколько шагов парень снова возник рядом и принялся трещать. Не раскис и не стал сдаваться сразу, что приятно. В другой ситуации Ирина наверняка оценила бы это положительно - но тут был случай тяжёлый, рыжая только сползла ещё глубже в раздражение. Вот же прицепился, чёрт лохматый. И ходит следом и ходит, зудит и зудит. Требуешь, видите ли, слов и взаимопонимания. Слов для Стефано у Ирины в запасе было, наверное, штук пять-семь, зато богатых на комбинации, а вот на взаимопонимание девица была вообще никак не настроена. Бесполезно даже просить поискать получше.

Снова ненадолго остановившись, Ирина окинула Стефано внимательным взглядом, с ног до головы. Оценила, взвесила, маркировала, а потом всё тем же взглядом размолочила в труху и пыль и развеяла по ветру. Придвнувшись чуть ближе, рыжая отдельно и внятно сообщила: - Одним фактом. Бесишь, - и толкнула парня плечом, пытаясь установить в его мозгу нехитрую закономерность: сунулся - выхватил. Сунулся ещё раз - выхватил ещё раз.

- Просто прими как данность, - сердито сказала Ирина, - видеть тебя не желаю! Ишь, скалолаз нашёлся, тьфу, тоже мне. Ну вот и лезь давай, на дерево или куда тебе там ближе. Отлично там смотришься, прямо макака, бесхвостая только. И кончай за мной по пятам шлаться! Это доступно? - и рыжая, даже приблизительно не собираясь успокаиваться, сперва ещё раз от души толкнула Стефано плечом, а потом выразительно замахнулась, показывая, что за ней вообще-то и оплеуха не заржавеет. И если кто-то продолжит тут торчать и давить своим присутствием Ирине на мозг и уши, то поймает эту оплеуху лицом незамедлительно.

Стефано Грассини

Почти сразу же Стефано и сам подумал: наверное, не надо было так отчетливо предлагать Ирине альтернативный ответ, уже невольный заложенный юношей в вопрос. Потому что рыжая девушка за этот альтернативный ответ немедленно ухватилась, не обращая внимания на то, что он мало куда укладывается, мало с чем стыкуется и вообще выглядит не слишком-то правдоподобным. За несколько минут общения Стефано уже начал понимать, что в Ирину, судя по всему, вселился дух противоречия и теперь упрямо гнет свою линию, по любому поводу, удобному и неудобному.

Оставалось только внимательно прислушиваться к словам девушки и пытаться из них вычленивать и собрать по кусочкам причину обиды. Благо, говорила Ирина, распаляясь, много и охотно, было из чего выбирать. Юноша вытерпел всего два толчка плечом - Ирина ухитрилась бить так, что плечо казалось удивительно острым, и оттого толчок у нее выходил какой-то особенно болезненный - и даже не успел добраться до отчетливо и недвусмысленно заявленной оплеухи, как уже сообразил, в чем же заключена проблема.

- Некоторые макаки и так по жизни бесхвостые, - машинально поправил Стефано, чуть отодвигаясь, чтобы хоть как-то смягчить очередной удар острого плеча Ирины. А потом из кусочков паззла сложилась целая картинка, и юноша с мягкой улыбкой сказал: - Деревья! Так вот на что ты обиделась! Что я от тебя спрятался на дереве а ты меня не нашла? Да? В этом дело? Ну прости! Я не знал, что ты примешь это так близко к сердцу! - извинился Стефано, стараясь по возможности избегать провокационных слов. Например, юноша был уверен, что Ирине нельзя сейчас говорить "ты ранимая" или еще какие-нибудь столь же прямолинейные вещи - девушка усмотрит в этом оскорбление, обидится хуже прежнего, и начинать придется даже не сначала, а от еще более глубокой точки. Такими темпами до перемирия будет долго не добраться.

Ирина Рейн

Услышав первый комментарий из уст юноши, Ирина удивленно подняла брови. И уж хотела было спросить, откуда это такой специалист по макакам свалился ей на голову. А потом парень решил, что будет очень удачным напомнить ей, как вот она на занятии облажалась, а он, такой молодец, все сделал красиво и правильно.

И нет, удачным продолжением разговора это не было.

Услышав такое напоминание, Ирина озверела мигом. Мало того, что на занятии ее опустил - ее! уже бывалую! опытную! матерую! - так еще и при каждом подходящем случае теперь, что ли, напоминать будет? Схватив юношу за грудки, Ирина что было сил впечатала его спиной в ствол ближайшего дерева. И выплюнула в ошарашенные глаза: - Да подавись! Гордись до могилы! Ну-извиняется он передо мной, ишь, снизошел! Да сиди ты там на своих ветках сколько влезет, мне-то что?

Так запросто мотать от дерева к дереву какого-нибудь основательного, плотно сбитого парня у Ирины получилось бы вряд ли. В этом смысле - повезло, что Стефано был сухой и легкий, какой-то совсем не обросший внушительной массой, нервно колышущийся следом за ветром. Вот им можно было ворочать в разные стороны, по меньшей мере, до поры до времени, пока мальчик не сообразил враспи в землю и позволяет себя мотать. Беззастенчиво этим пользуясь, Ирина встряхнула юношу, еще раз знакомя его затылок с деревом. И дополнила: - В задницу себе свои извинения засунь, хоть до самой глотки. В гробу я их видела.

Для Ирины, как для человека безудержного действия, слова в таких ситуациях

значили мало, обесценивались практически до смешного нуля, вообще переставали иметь смысл и могли в основном только бесить, потому что лезут в уши пачками, когда их никто не зовет. Рыжей, чтобы обрести теперь душевное равновесие, надо было в идеале обыграть Стефано на каком-нибудь прикладном поле, причем желательно сразу разгромить. Извинения же в сторону девушки тут работали даже хуже чем никак.

Стефано Грассини

С одной стороны, Ирина вроде бы казалась несложной, как мелодия из двух-трех нот, нужно лишь их запомнить, и общение упростится в разы. А с другой стороны - по факту так ничего и не упрощалось, потому что управлять ходом беседы возможности не было ни малейшей. Даже если упрощать до предела и раскладывать девушку всего на две ноты, получилось бы, что Ирина упрямо отзывается одной и той же агрессивной нотой на любые, даже самые осторожные попытки к ней прикоснуться, никак не давая услышать заветную вторую ноту. Стефано же сейчас требовалось хоть как-нибудь, но смягчить девушку, развернуть её на тропинку, ведущую если не к полному примирению, то хотя бы к меньшему накалу страстей. И это у юноши пока упорно не получалось.

Так не получалось, что хоть волком вой от безысходности.

Попытка Стефано извиниться неожиданно взбесила Ирину хуже прежнего, как будто этим извинением он ткнул девушку четко в больное место. И во взбешенном состоянии рыжая не только по новой принялась яростно монологить, но и дала волю рукам пуще прежнего, видно, намереваясь в конечном итоге или юношу перешибить деревом, или дерево - юношей.

Но что совой об пень, что пнем об сову, сова при этом все равно страдает.

Сопротивляясь, Стефано цепко ухватил Ирину за предплечья, мешая ей и дальше трясти его как грушевое дерево. И терпеливо попросил: - Пожалуйста, хватит так делать. - Наученный кратким, но печальным опытом, оценочные суждения вроде "мне неприятно" юноша оставил при себе. Потому что Ирина наверняка скажет, что это все не ее дело, чужая спина - не ее заботы, а вот лично она желает сломать одному приставучему итальянцу хребет и сейчас как раз именно это дело и доведет до конца. Желания самому открывать Ирине калитку на такой монолог у Стефано не было никакого. Так что сейчас, пожалуй, было лучше обойтись просто сухим предупреждением.

Ирина Рейн

Ирина впервые дала себе труд задуматься над тем, что Стефано, возможно, вовсе не такой уж немощный задохлик, каким кажется, когда юноша поймал ее за руки. Пальцы у него оказались неожиданно стальные, крепко сомкнувшиеся на запястьях рыжей. До неотвратимой цепкости медвежьего капкана, конечно, парень не дотягивал, но явно стремился куда-то туда. Ирина рванулась раз, другой, крутанула запястьями и так, и эдак, и все это с примерно нулевым результатом, освободить руки не получалось. Тогда, восстанавливая равновесие, Ирина снова ухватила Стефано за свитер. И на грани психа предупредила: - Отпустил. Меня. Ну-ка!

Ага, отпустит он ее, щас, как же. Рыжей показалось, что парень уж успел встречно заупрячиться - глазами, лбом и вообще всем лицом. И тут теперь можно будет долго встречно тягать друг друга за разные подворачивающиеся под руки части тела и с агрессивным нажимом повторять друг другу "ты отпусти - нет, сначала ты отпусти", хоть до глубокой ночи это развлечение запросто можно будет запросто

растянуть. И из этого Ирина тут же сделала мгновенный вывод, что тогда вообще и браться тянуть эту лямку не стоит. Раз от нее все равно глобального толка никакого. Не пытаясь больше оторваться от Стефано, Ирина, наоборот, бросилась на сближение. Почти прыгнула вперед и размашисто боднула головой, целя лбом парню в лицо. В идеале попасть бы куда-нибудь в район носа, но вообще лицо - вещь такая, в большинстве своем болезненно-хрупкая. Там много куда можно как следует врубиться лбом с размаху, так, чтобы хруст пошел и что-нибудь опасно повредилось. Разве столкнуться лоб в лоб, как какие-нибудь бараны на горной тропе, будет откровенно неудачным делом - но Ирина сильно рассчитывала на то, что встречно подставить лоб Стефано попросту не успеет или вообще не сообразит. Он все-таки больше похож на славного мальчика, чем на заправского драчуна.

Стефано Грассини

Стефано со своей стороны тоже ощутил, что они с Ириной встали в патовую позицию и теперь, похоже, будут долго и мучительно решать, кто кого в конечном итоге перетянитолкаит и переупрямит. Со стороны они даже, наверное, были в какой-то степени похожи на зеркальные отражения друг друга - залипшие лицом к лицу и неспособные оторваться друг от друга, только вздрагивающие в одинаково неловких движениях-конвульсиях, которые и должны бы к чему-нибудь привести, но вот только в силу патовой ситуации не ведут абсолютно ни к чему, не продвигают ни на шаг.

Правда, тогда уж следовало признать, что одно из отражений значительно опережало другое в своих порывистых движениях, получая тем самым шанс все же куда-то продвинуться, и этим отражением явно была Ирина. Если до этого вывод, что рыжая девушка в монастыре упорно и старательно занимается боевыми искусствами, как-то не требовал немедленно к себе прийти, то теперь он прямо-таки напрашивался, слишком уж быстро и легко Ирина ориентировалась именно в этой плоскости. Как будто сперва реагировало тело и делало все необходимые движения, а уж только потом мозг оценивал произошедшее и давал рефлексам если и не высший балл, то очень близкий к высшему.

Частично увести голову из-под удара Стефано все же успел и тем самым уберечь нос, поймав удар скулой. Юноша попытался боднуть Ирину в ответ, уже заведомо проигрывая в этом аргументе, потому что бодать хрупким виском куда-то в сторону и выворачивая шею - это заведомо не так удобно и хлестко, как с размаху прорубать себе уверенно-твердым лбом дорогу хоть куда угодно. Следующим же движением Стефано, пользуясь тем, что они с Ириной больше уже не стоят лоб-в-лоб, рванулся в сторону. Чтобы хоть на шаг, но оторваться от чертового дерева, жестко подпиравшего лопатки и мешавшего уворачиваться, более-менее свободно двигаться, а конкретно сейчас, так даже и жить.

Ирина Рейн

Что проскочить по идеальному варианту и как следует поломать парню нос, сделав слабо осуществимыми любые мечты об идеальном римском профиле, Ирина поняла почти мгновенно, не в последнюю очередь - по тому, что характерного сочного хруста рыжая не услышала. Да и вообще услышала мало что, скорее почувствовав тот глухой стук, с которым кости столкнулись и обоюдно выдержали столкновение, ощутив, как неуютно загудел после этого столкновения лоб - то ли шишку набила, то ли рог режется. Рядом Стефано странно мотнул головой, одновременно и вроде как пытаясь убрать её в сторону, и оставляя рядом, а потом этой самой дурной головой

опять на мгновение воткнулся Ирине в лицо. Самым краем лба, как нормальный человек ни за что бить не будет, потому что там уже почти висок и проще самому себе голову проломить, чем кому-то другому навредить. Ирине коротко обожгло бровь у самого конца её тонкого изгиба, и очень скоро стало щекотно и некомфортно щеке, и пришлось поневоле заключить, что так по-дурацки тоже вполне можно бить. Можно даже лица разбивать. Вот, пожалуйста, одно только что разбилось.

Рванувшегося было в сторону юношу Ирина не отпустила. Намертво вцепилась в его свитер обеими руками, пытаюсь удержать и вернуть парня на место, и не выдержавшая рывка ткань захрустела под пальцами, разъезжаясь куда-то вниз. Почему-то именно этот хруст остудил рыжую, вывернул всю ситуацию наизнанку, швами наружу, и сразу придал тому, что раньше казалось благородной яростью, оттенок нелепой, смешной истерики. Ирина шумно выдохнула и разжала руки. Поднесла ладонь к лицу, пощупала ноющую бровь и лишний раз убедилась - вот ещё тоже подарок под конец учебного дня, как раз в пару к дежурству, - что там рассечение. И что лицо и шея скоро окажутся перемазаны кровью так, будто девицу зарезали. Той же самой рукой Ирина ткнула в Стефано, в свежезародившийся вырез разорванного свитера, коснувшись пальцем остро выступающей ключицы и отпечатывая на смуглой коже яркий красный след. Один жест сам по себе мало что значил, ничего не объяснял, и Ирина сочла нужным с обидой сказать: - Я из-за тебя штрафное дежурство заработала, пададь ты эдакая.

Стефано Грассини

Стефано и сам не понял, как ухитрился рассечь Ирине бровь - ему это движение головы показалось нелепым, щенячьим, бессильным. Только уже отшатнувшись, кое-как оторвавшись от девушки, Стефано увидел, как по её лицу неспешно протягивается вниз тонкая струйка крови, мягко огибая глаз и соскальзывая по светлой щеке вниз, к углу рта. Ирина, кажется, и сама ещё этого не заметила, по инерции продолжая воевать, а Стефано, хоть и точно так же по инерции заканчивал попытку вырваться, уже не мог оторвать глаз от этой тонкой алой полоски. Это было чертовски неправильным, почти больным - вот так разбивать лицо девушке, на которую за всю уже вроде бы долгую стычку так и не получилось по-настоящему ни обидеться, ни разозлиться, несмотря на все её выходы.

Ирина со своей стороны тоже вдруг замерла, то ли увидев, то ли услышав что-то, что её озадачило и остановило. Потрогала рассеченную бровь, а потом обличающе уперла в юношу испачканный кровью палец и изрекла обвинение. Нелепое, в своём стремлении ни с чем и никак не вязаться полностью поддерживающее уровень всей предыдущей беседы, до того, как она скатилась в нечто близкое к потасовке.

- Из-за меня? - удивлённо переспросил Стефано. Мягко взял Ирину за запястье, намереваясь убрать её руку со своей груди, - да так и не убрал, ведомый неверным, почти невесомым ощущением того, что вот именно это случайное прикосновение протягивает между ними хрупкий мостик взаимопонимания. Что если продлить его ещё ненадолго, то можно будет понять и принять логику слов Ирины, - и в какой-то момент юноше действительно стало казаться, что он понимает, видит зыбкие логические связи. Возможно, если бы не деревья, на которых так удачно и чудом не вопреки правилам игры удалось спрятаться итальянцу, то Ирина и впрямь могла бы уследить за языком, и вся последующая цепочка событий бы развалилась. Подумав об этом, Стефано осторожно признал: - Ну да, в каком-то смысле.

Ирина терпеливо ждала, когда юноша наконец разродится ответом и исторгнет уже из себя или "да", или "нет" - или пусть даже какой-нибудь третий, промежуточный вариант, лишь бы это были живые звуки, на которые можно отвечать и с которыми можно спорить. Стефано же думал так долго, что Ирине всё казалось, стоит лучше прислушаться - и можно будет услышать, как под костями черепа напряженно жужжат шестеренки. Осмысливал. И при этом зачем-то держал рыжую за руку, словно это могло каким-то образом стимулировать мыслительный процесс.

- А то из-за кого же ещё? Естественно, из-за тебя! - уверенно и громко подсказала Ирина, сомневаясь в том, что парень дойдёт до правильного вывода, если его пустить на самотек. Вот только неизвестно было, насколько эта подсказка помогла и помогла ли вообще. Потому что согласие, которое в конце концов озвучил Стефано, было очень такое себе, больше похожее на какой-то средний вариант между "нет" и "да". Но всё же определённый градус от "да" в нём имелся, и вот с этим уже можно было работать.

- Умница! Золотой мальчик! Отлично схватываешь! - одобрила Ирина. И пальцем постучала Стефано по ключице, размазывая одно относительно большое липкое пятно своей же крови в россыпь мелких. - Из этого следует что? правильно! Что ты мог бы составить мне компанию и разделить это дежурство со мной! Чтобы было по справедливости.

Справедливость, откровенно уж говоря, здесь витанцовывалась шаткая, не такая убедительная, как хотелось бы. Но Ирина, уже почувствовав в Стефано лёгкую слабость, намеревалась на эту нехитрую мысль давить до победного конца. Пока не получится качественно промять юношу под себя, увести за собой и часть вечерней посуды перевалить на него. Мало ли как там Маджента решила назначить дежурство - у Ирины на это была своя точка зрения, очень даже имеющая право на жизнь.

Стефано Грассини

Стефано не сразу понял, к чему клонит Ирина - он пока и вовсе недостаточно хорошо знал девушку для того, чтобы понимать, что она именно к чему-то ведёт, а не просто разбрасывается обвинениями ради того, чтобы найти виноватого во всех бедах и прожужжать ему все уши. У рыжей девушки же, как оказалось, был вполне конкретный план, в чем-то по-своему логичный. И по напору, с которым Ирина продвигала этот план в жизнь, Стефано четко понял, что для себя девушка уже все решила, всех расставила по нужным местам и вообще лично для нее все уже состоялось. Осталась так, маленькая формальность - сорвать с чужого языка почему-то прячущееся и никак не выходящее в эфир "да".

- Ты уверена, что это хорошая идея? Вдруг там мы решим перессориться из-за того, что кто-то один моет тарелки не так концептуально и правильно, как хочется другому, и в пылу ссоры перебьем посуду еще на десять дежурств. Всякое бывает, - счел нужным предупредить Стефано, хотя и не планировал сейчас отбиваться руками и ногами. Юноша для себя ничего такого ужасного в том, чтобы некоторое время повозиться с посудой по локоть в воде. Хотя, возможно, Стефано пока просто не знал специфики местных дежурств, потому что еще и близко их не видел. Возможно, воду здесь дают особенно ледяную, мыло - особо разъедающее руки или еще каким-нибудь радикальным способом воспитывают в учениках спартанское терпение. Но издали никаких подобных подводных камней было не разглядеть, поэтому Стефано миролюбиво согласился: - Хорошо. Приду, составлю компанию и разделю с тобой невыносимую тяжесть дежурства. Только скажи, где и когда мне

для этого надо быть. Я в монастыре совсем недавно и пока не знаю, где собираются моющие посуду дежурные. Но ведь это должно быть где-то близко от столовой, верно? - просто потому что это звучит логично, не будут же дежурные тащить на себе посуду через весь монастырь, чтобы вымыть ее.

Ирина Рейн

Когда Стефано неожиданно понес какую-то дичь про концептуальную-неконцептуальную посуду, Ирина посмотрела на юношу с нехорошим прищуром, вдруг заподозрив, что парень решил в последний момент изобразить невменяемого дурачка и на том слинять в сторону. Подозрение было неприятным, и потому Ирина поспешила со своей стороны тоже сделать предупреждение: - Я тебя щас перебью, если ты продолжишь полоскать мне мозг этой нездоровой пургой. Чего ты несешь? Что ты там собрался делать с посудой, что мы непременно должны ее перебить? Да еще чтоб хватило на десять новых дежурств. Уйми свои больные фантазии, а?

Несмотря на вроде как внушительно прозвучавшее предупреждение, Ирина довольно смутно представляла себе, как она сможет разрулить дело, если Стефано продолжит вести себя так, как будто он вмиг сдурел, напрочь лишился ума и теперь способен мести языком только какую-то слабо внятную дичь. И, в общем, даже хорошо, что парень оказался покладистым и не стал продолжать вилять во все стороны, как пьяный собачий хвост.

- Душа моя, я тебе все покажу и расскажу, только приходи! - с чувством сказала Ирина, так, словно они договорились пойти не посуду мыть, а на свидание, в кино и самозабвенно целоваться взапрос на последнем ряду. И свободной рукой послала Стефано краткий, но пылкий воздушный поцелуй. - Ты после ужина притормози в столовой, ну или рядом где-нибудь поброди. Я тебя найду и все популярно расскажу, что и как делать. Ужин знаешь во сколько? Ну и чудно! Тогда там и увидимся. Все, отпустил меня, хватит за меня держаться как за талисман, - распорядилась Ирина. Выдернула руку из пальцев Стефано, в этот раз податливых, почти желеино мягких, на прощание размашисто махнула ладонью и зашагала прочь. На ходу Ирина снова ощупала рассеченную бровь, решая, надо ее подлечить или и так сойдет - и решила, что пока сойдет и так, а там дальше видно будет. Если вдруг раздуется до шишки, так шишку-то всегда запросто свести можно будет. Это трюк нехитрый, подвластный даже такой тугой на мозг ученице как рыжая.
